

«Рост энергии японцев разбудит творческие силы всего Востока» (М. Горький о старой и новой Японии)

О.В. Шуган

В контексте темы «М. Горький и Восток» отношение Горького к Стране восходящего солнца, ее истории, культуре и общественной жизни является предметом особого рассмотрения. Интерес Горького к Японии был многогранен и проявлялся в чтении научных книг и беллетристики, общении с японскими литераторами, собирании восточной пластики (нэцкэ, окимоно). Показано, что отношение Горького к модернизации Японии, ее интеграции в мировое культурное пространство не было лишено противоречий. Восхищение памятниками культуры и национальной самобытностью Страны восходящего солнца не мешало Горькому видеть серьезные социальные проблемы японского общества начала XX века.

Ключевые слова: М. Горький, Япония, литература, культура, национальная самобытность, общество.

Изучение литературных и личных связей Горького с японскими литераторами, деятелями культуры и искусства началось практически с первых публикаций произведений писателя в Японии, то есть с начала XX в. Исследования Кима Рехо (настоящее имя Ким Ле Чун), статьи и публикации Нобори Сёму, Миямото Юрико, Н.И. Конрада, Е.М. Пинус, В.В. Логуновой, подготовившей переписку Горького с японскими литераторами в 8 томе «Архива А.М. Горького», и других заложили научную базу темы «Горький и Япония» [1–7]. Необходимо при этом учитывать, что большинство названных трудов появилось более полувека назад, и сегодня эта тема нуждается в существенном обновлении и пересмотре. Дело в том, что в имеющихся работах присутствует социально-политическая доминанта: основной упор в них делается на революционно-демократический характер горьковского творчества и влияние идей писателя на зарождающуюся демократическую и пролетарскую литературу Японии. Как правило, обратная сторона, т.е. вопрос о том, как повлияла культура Страны восходящего солнца на эстетические воззрения Горького, почти не рассматривался. Нам представляется очень интересным освещение именно этой стороны вопроса, что позволило бы лучше понять многогранную и сложную личность писателя и углубить наше понимание глобальной и очень актуальной на сегодняшний день темы «Горький и Восток».

«В настоящее время, – отмечает Ю.М. Егорова, – можно говорить о второй волне взаимного интереса народов обеих стран, что способно обогатить культурную составляющую России и Японии, устранить “белые пятна” в истории взаимоотношений и стать более понятными друг другу» [8, с. 150].

Проблема изучения этой темы упирается, прежде всего, в малочисленность материалов и документов, по сравнению, скажем, с темой «Горький и Китай». Помимо изучения японских первоисточников, необходимы архивные разыскания, более пристальное изучение фондов Музея А.М. Горького на Малой Никитской, привлечение материалов периодической печати и др.

Сначала хотелось бы привести обнаруженные нами интересные символические совпадения. Например, Горький родился в 1868 г., в год, когда в Японии произошла революция Мэйдзи, означавшая конец старой эпохи сёгуната – эпохи затворничества – и открытие «окна» в мир. На второе совпадение мы натолкнулись, познакомившись с воспоминаниями коменданта московского дома Горького И.М. Кошенкова. Готовя знаменитый особняк Рябушинского к окончательному приезду Горького в СССР в 1931 г., Кошенков руководил расчисткой территории двора от мусора. В его дневнике читаем такую фразу: «С 13 апреля мы каждый день произносили слово: “Кабуки, Кабуки”» и далее: «Вся свалка была прикрыта декорациями японского театра “Кабуки”» [9, с. 133]. Оказалось, что эти декорации остались после гастролей известного театра в Москве в конце августа 1928 г. Как попали декорации на Малую Никитскую с Театральной площади (известно, что гастроли проходили в здании 2-го МХАТа, в Шеллапутинском театре, где сейчас РАМТ)? Возможно, потому что там до Горького размещался ВОКС, т.е. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. В июне 1929 г. ВОКС проводил выставку «Японское кино», и очевидно, декорации были отправлены туда. Это совпадение глубоко символично еще и потому, что отражает во многом искусственный, декоративный характер жизни в шехтелевском особняке, в окружении агентов ОГПУ-НКВД, напоминающий жизнь пленника в «золотой клетке».

Но вернемся к Японии. Интерес к истории и культуре Страны восходящего солнца появился у Горького рано и сохранялся в течение всей жизни. Первая встреча с Японией произошла в «казанский период» – тогда будущий писатель познакомился с Пантелеймоном Сато, студентом казанской духовной академии, православным, который женился на русской, вернулся в Японию, преподавал в Токио в духовной семинарии, а впоследствии погиб в Маньчжурии во время русско-японской войны в 1904 г. Позже в «Моих университетах» Горький назвал этого человека в числе «великомучеников разума ради» и добавил: «Память о них священна для меня» [10, с. 35].

Нижегородский врач и знакомый писателя В.Н. Золотницкий вспоминал, что в начале 1890-х годов в Нижнем Новгороде Горький активно изучал философию пессимистов – Гартмана, Шопенгауэра и Ницше. Поскольку философия их возникла под влиянием буддизма, молодой писатель стремится прикоснуться к «загадке Востока». «Одно время ему хотелось постранствовать еще – попасть в экспедицию с известным ботаником профессором Красновым на Цейлон, в Индию, Китай и Японию, но не удалось почему-то», – пишет Золотницкий [11, с. 58]. Через несколько лет в небольшой библиотеке его нижегородской

квартиры можно было увидеть труд архиепископа Хрисанфа «История религий Востока» и другие книги об истории и культуре народов Азии.

«События русско-японской войны обострили интерес Горького к Востоку, народу и культуре Японии» [12, с. 136], – писал Д. Белкин. В начале 1904 г. он, один из первых, выступил с обличением антинародного, антигуманного характера этой кампании, против расовой дискриминации и разжигания национальной вражды. Он называл войну «русско-японской распрей из-за маньчжурско-корейской авантюры» [13, с. 48]. Отрицая официальный, «казенный» патриотизм, писатель начинает внимательно изучать литературу о странах Дальнего Востока, что находит отражение в его переписке. Как издатель, он ведет обширную просветительскую деятельность и старается познакомить российского читателя с дальневосточными памятниками литературы и фольклора. В издательстве «Знание» выходят «Корейские сказки, записанные осенью 1898 г.» Н. Гарина (СПб.: Знание, 1904), его же «По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову: Карандашом с натуры» (СПб.: Знание, 1904). В письме к жене Горький хвалит книги австралийского путешественника Эрнеста Гессе-Вартега «Япония. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии». «“Япония” – “прекрасная вещь”, – отзывается Горький и добавляет: И прекрасная страна, эта Япония, как увидишь. Вот куда я уехал бы жить!» [13, с. 58]. Делится своими восторгами с Леонидом Андреевым: «Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, – прекрасная страна!» [13, с. 59]. Прочитав «Маленький рассказ о Японии и ее жителях», Горький был недоволен небрежностью издателей, обратил внимание на безграмотную фразу: «Они хорошие семьянины, и жизнь в японских семьях отличается в большинстве случаев примерным согласием и взаимно-деликатным обращением супругов» [13, с. 20–21].

В письмах Горький сетует на то, что ничего нового и интересного о Китае и Японии не выпускается. «Об япошках – нет ничего хорошего у нас, – это тупое жулье – патриоты издатели выпускают на рынок только вещи явно недоброжелательные Японии, а объективного – ни страницы.

Книга Дюмолара солидна, скучна и – пристрастна в дурную сторону. Очень уж эти европейцы высокого мнения о себе...» [13, с. 62].

Когда Горького в 1905 г. за участие в революции заключили в Петропавловскую крепость, среди книг, отмеченных в описи его вещей, была «История японской литературы» В. Астона (Владивосток, 1904). Из дореволюционных изданий в личной библиотеке Горького сохранились также «Японские сказки и легенды» (М., 1906), книга Г. Ксимидова «Обзор истории японской литературы 1868–1906» (Хабаровск, 1909).

Накануне Первой мировой войны писателя привлекают современные события, разворачивающиеся на Востоке, пробуждение Азии. В это время Япония делала большой скачок вперед. «Страна, которая более двух столетий проводила политику изоляции от внешнего мира, в начале XX века широко распахнула двери для восприятия достижений культуры других народов», – писал К. Рехо [14, с. 9]. За короткий период были переведены все классические произведения западной литературы – Шекспир, В. Скотт, Руссо, Гюго, Флобер, Золя, Гете, Шиллер, Пушкин, Толстой, Тургенев. В письме Фунао Миякава Горький писал в 1913 г.: «Мы, русские, так мало знаем о Вашей родине, мощное развитие которой я считаю самым чудесным и благотворным явлением последнего времени.

Рис. 1. Куй-син, помощник бога литературы Вэнь-чаня на рыбе-драконе. Окимоно.

Я радостно уверен, что рост энергии японцев разбудит творческие силы всего Востока и обогатит общечеловеческое стремление к жизни, гармоничной красоте и свободе новыми и необоримыми силами» [15, с. 293].

В начале XX в. «художественное творчество Востока воспринималось в России искаженно, особенно малоизвестной оставалась в силу ряда причин литература Японии и Китая» [16, с. 184]. «Для большинства японская литература – это “короткие стихотворения” (танка), где говорится о ветке сливы, о соловье, о цветущих вишневых деревьях», – писал С. Елисеев в сборнике «Литература Востока» [17, с. 39]. Сразу же после революции по инициативе Горького создается издательство «Всемирная литература» и его Восточный отдел, который поставил задачу научного издания произведений Азии, Африки и Ближнего Востока. К работе были привлечены специалисты-востоковеды: С. Ольденбург, Н. Крачковский, В. Алексеев, Н. Конрад. Горький всеми силами способствовал выходу журнала «Восток» (1922–1925), в котором увидели свет величайшие произведения японской классической литературы: «Исэ Моногатари» (Кн. 2), главы из «Гэндзи-моногатари» – «Повесть о Гэндзи, блистательном принце» (Кн. 4) и «Вечерний лик (Югао)» (Кн. 5), в переводе Н.И. Конрада. В трудные послереволюционные годы были сформулированы принципы художественного перевода, впервые осуществлены переводы на русский язык многих памятников Востока [16]. В 1920 г. вышел сборник «Литература Востока», в котором была глава, посвященная японской литературе [17]. Позже библиотека писателя пополнилась книгой Н. Конрада «Японская литература в образцах и очерках». Т. 1 (Л., 1927), сборниками «Литература Китая и Японии» (Л., Академия, 1935) и «Японская революционная литература» (М., 1934), на полях которой сохранились пометки писателя.

Горький особенно интересовался классическим традиционным искусством Японии, с большим увлечением коллекционировал нэцкэ (*нэцукэ*) и *окимоно*. Начал он их собирать будучи еще молодым человеком. «Первый маленький коллекционный шкафчик с японской резьбой появился у писателя еще в нижегородской квартире, – восстанавливает хронологию событий С.М. Демкина, директор музея А.М. Горького. – Живя на Капри, он покупал у моряков за бесценок интересные вещицы. В 1912 г. писатель уже со знанием дела ознакомился с экспонатами парижского восточного музея и пополнил свое собрание у французских антикваров. Каприйскую коллекцию японской резьбы (нэцкэ и окимоно) Горький привез в петроградскую квартиру на Кронверкском проспекте, где собрание продолжилось. Писатель дополнял резьбу изделиями из камня, лака, бамбука, фарфора, вышивкой, тончайшими рисунками тушью, росписями по шелку» [18, с. 126]. Всего в коллекции насчитывается 300 предметов, среди которых есть несколько образцов XVIII в., а в основном XIX и XX. Среди авторов – известные мастера: Сёминсай, Масахару, Томоцугу, Минкоку, Идзуй, Исси, Хакудзан, Когёку, Томотика и др. (помощь в атрибуции и расшифровке оказали востоковеды О.Н. Глухарева и Н.А. Каневская).

Горький-коллекционер не думал о выгодном помещении капитала, им двигала «особая страсть», – считает С.М. Демкина. «Это была форма познания мира, приобщения к сокровищам духа, вершинам человеческого гения» [18, с. 125–126]. Действительно, он нередко поражал собеседников энциклопедическими знаниями, сопровождая показ экспонатов рассказом о школах, направлениях, сюжетах восточной мифологии [19, с. 184].

Но не только мастерство и тонкость работы привлекали писателя. Ему нравились вещи со смыслом, в которых отражался повседневный уклад жизни народа, его быт (фигурки рыбаков, крестьян, торговцев, мудрецов, бродячих актеров, женщин и детей), фигурки животных, в том числе мифических, буддийские и синтоистские божества. Они несли в себе восточную мудрость, например, композиция с обезьянами, где обезьяна разбивает чашу с водой и спасает тонущую в ней подругу – конфуцианская притча о добродетели; Куй-син, помощник бога литературы Вэнь-чаня – символ упорства в литературном труде. Он стоит на рыбе, преодолевающей несколько порогов, и сам готов превратиться в божество. По легенде, Куй-синь, некрасивый от рождения, благодаря трудолюбию и целеустремленности становится покровителем писателей и ученых. Еще один символ упорства и настойчивости – поэт Госиса: в одной руке он держит свиток со стихами, в другой – тяжелую вазу. Именно так, согласно преданию, творил великий поэт. Впоследствии Горький подарил коллекцию своему сыну Максиму.

Рис. 2. Рикша, везущий двух пассажиров. Окимоно.

Увлечению Горького японской живописью посвящали статьи японские газеты и журналы. Так, в 1914 г. в журнале «Васэда бунгаку» была помещена заметка «Горький и японская живопись» – о беседе японского студента с Горьким на Капри. В ней говорилось, что Горький впервые познакомился с японской живописью в 1911 г. на международной художественной выставке в Риме, и оригинальные произведения японских мастеров вызвали у него искреннее восхищение.

Горький приветствовал большой скачок в развитии, который сделала Япония за короткий период, и расходился в этом вопросе с Львом Толстым, выступавшим против модернизации Японии. Несмотря на это его отношение к старой и новой Японии не было лишено противоречий. С одной стороны, писатель верил, что активная адаптация западной культуры не препятствует бережному отношению к традиционным ценностям и сохранению национального духа, с другой – считал это, скорее, чудесным исключением, чем правилом, и выступал против слишком большого увлечения копированием. Он понимал, что процессы интеграции неизбежно приводят к потере самобытности, и, сравнивая классическое и новое искусство, всегда отдавал предпочтение работам старых мастеров.

В конце 1927 г. в Сорренто писатель познакомился с корреспондентом газеты «Майнити Симбун» Курода Отокити, между ними завязалась переписка. Начиная с 1928 г. Горький регулярно получал от Курода издания по искусству, журнал «Кокка» («Цветы государства») и был в курсе художественной жизни страны. «Совершенно изумлен той легкостью, той дьявольской талантливостью, с которой Ваши художники – скульпторы и живописцы – овладели традициями и канонами классической скульптуры и европейской живописи, – делился своими впечатлениями Горький. – Некоторые скульпторы, например, Кю Goto, Takev Kimuga и др. особенно поражают усвоением не только техники, но духа эллинской классики. В живописи хороши, должно быть, S. Okido, Koshi Goto, m. Jamamoto, но, разумеется, не надо забывать, что я сужу по снимкам. В общем же, все снимки дают такое впечатление: ваши художники много приобрели, ничего не потеряв» [7, с. 435].

В этом же письме Горький признался: «я искренно люблю и никогда не перестаю восхищаться подлинным японским искусством. С восторгом любуюсь изящной красотой снимков с японских работ. Чудесные вещи» [7, с. 435]. Чуть раньше, летом 1928 г. Горький встретился с профессором Нобори Сёму, литературоведом и переводчиком, приехавшим в Москву на празднование столетия со дня рождения Л. Толстого. В беседе с Нобори Горький высказал, казалось бы, противоположное мнение, что японцам нечему учиться у Запада, т.к. художественная ценность их собственных произведений значительно выше. Наоборот, японское искусство, по его словам, оказывает сильное влияние на современное искусство Запада. «Особенно горячо отзывался он о картинах художников школы “Укиёэ” – Харунобоу, Хокусаи, Утамаро, – вспоминал Нобори. – В ленинградской коллекции, сказал он, хранится около двухсот произведений японского искусства». «Я знал, – делает вывод Нобори, – что Горький давно восхищается японским искусством и хочет побывать в Японии, а в Москве еще раз убедился, что он не просто любит японское классическое искусство, но и серьезно изучает его. Мне было досадно, что я не взял для него некоторые образцы. <...> Я обещал Горькому, что пришлю ему собрание “Укиёэ”, как только приеду в Японию» [3, с. 331]. Укиёэ – традиционная жанровая живопись, которая возникла в период Эдо. Кстати, гравюры

укиёэ часто изображали актеров театра Кабуки, сцены из спектаклей, в этой технике выполнялись театральные афиши Кабуки. По мнению Горького, творчество упомянутых художников, отразившее дух японского искусства, имеет общечеловеческое значение, поэтому оно оказало большое влияние на европейскую живопись второй половины XIX в.

Если в письмах Курода Горький изумлялся «дьявольской ловкости» копировщиков классических античных образцов, то в беседе с Нобори он признавался, что современное искусство Японии его не интересует, и осуждал подражание европейскому.

«В Милане я как-то побывал на выставке одного японского художника, жившего во Франции, – рассказывал Горький, – но ничего интересного не увидел. Лишь две резьбы по дереву как подлинные произведения японского искусства произвели на меня глубокое впечатление» [3, с. 331].

Горький стремился своими глазами увидеть жизнь старой и новой Японии, о чем свидетельствует его переписка с японскими литераторами. Еще в 1909 г. Горький получил письмо от японской газеты «Хочи Шимбун» с предложением посетить Японию. Более того, в Японии прошел слух, что Горький, готовясь к поездке, начал изучать японский язык [8, с. 144]. В сентябре 1928 г. Горький в беседе с Нобори признался, что давно мечтает побывать в Японии. В письме Курода в конце того же года Горький написал, что побывать в Японии не с лекциями, а «просто как все люди, а не в качестве “знатного” иностранца» – его мечта, и он хочет, чтобы она осуществилась. «Если Вы не можете читать лекции, не будем просить об этом, просто приезжайте», – ответил Курода. Еще через два года газета «Токио Нитинити» сообщила, что в октябре 1931 г. Горький собирается посетить Китай и Японию, познакомиться с восточной жизнью и вообще с культурой восточного народа. «Это будет для нас огромной радостью», – писал Исида, упоминая, что издательство «Кайдзося» как раз сейчас выпускает полное собрание сочинений Горького в 24 томах [7, с. 443]. Однако мечте Горького не суждено было сбыться.

Не была осуществлена еще одна идея – статьи или очерка о японском искусстве, о котором просили Горького в разное время директор издательства «Кайдзося» Ямамото Санэхико и Нобори Сёму (в 1928 г.), Курода Отокити (телеграмма без даты), Исида Киодзи (в 1931 г.)... «Перед моим отъездом из Токио Ямамото просил меня предложить Горькому написать статью о культуре Азии и Японии для журнала “Кайдзо”, – вспоминал Нобори. – Я сказал об этом Горькому. Он с радостью согласился, однако просил подождать, сославшись на занятость. “Как только приеду в Сорренто, я сразу же напишу и отправлю в новогодний номер журнала”», – обещал Горький, попросил адрес Нобори и записал его в записную книжку [3, с. 332]. С аналогичной просьбой обратился к Горькому Исида. «Меня крайне интересует Ваше мнение о японской школе живописи, – писал он, посылая Горькому первый выпуск “Исторического сборника японской художественной живописи во всех школах”, – и Ваше мнение будет очень поучительным для наших читателей <...> Я глубоко уверен в том, что Вы по достоинству оцените наше искусство, оцените со свойственной Вам исключительною проникательностью, как никто из европейцев» [7, с. 443]. «К сожалению, в творческом наследии Горького нет статей о японском искусстве или искусстве другого народа, – отмечал Рехо К. в книге “Русская классика и японская литература”. – Должно быть, статья не была написана» [2, с. 273]. Действительно, в Архиве А.М. Горького в ИМЛИ РАН не удалось обнаружить ни статьи, ни даже черновых набросков к ней.

Рис. 3. Поэт Госиса с 1000-фунтовой чашей и свитком стихов в руках, рядом – дракон. Бронзовая скульптура на деревянном постаменте. Спальня А.М. Горького.

Горького волновала и жизнь современного японского общества, социальные проблемы новой Японии. В беседе с Миямото Юрико (Юрико Чудзё) летом 1928 г. в Ленинграде в гостинице «Европейская» Горький затронул актуальную для Японии тему дискриминации женщин и поинтересовался, «имеют ли женщины в Японии право издавать свои книги». Юрико Чудзё ответила утвердительно и спросила, почему он задает такой вопрос. «Горький сказал, что в Италии Муссолини отнял у женщин это право. В Италии писательница может опубликовать книгу только с разрешения мужа, отца или других близких родственников-мужчин. Вот так живут женщины под прекрасным небом Италии, говорил Горький» [4, с. 474]. Писательница выказала недовольство «Путевыми очерками» Б. Пильняка о Японии [20], а именно изображением «иллюзорной красоты» гейши, которое, по ее словам, совпадало с восприятием гейши западными писателями. «Но ведь автор книги советский писатель, – возмутилась Юрико Чудзё, – и я, как женщина, осталась недовольна его книгой» [4, с. 474].

Очерки Б. Пильняка «Корни японского солнца» имеются в Личной библиотеке Горького в его музее на Малой Никитской, 6 [21]. Впервые с пометами Горького на этой книге познакомилась Н.Н. Примочкина, посвятившая главу своей монографии взаимоотношениям Горького и Пильняка [22]. Судя по пометам, писатель внимательно прочитал книгу от начала до конца. Горький правил стиль очерков, отмечал повторы, фактические неточности (например, фразу: «всю ночь пели птицы») [22, с. 202]. Писатель также обратил внимание на очевидное противоречие: Пильняк указывает, что «10 % всего фабрично-заводского пролетариата Японии – дети, подростки до 15 лет, которых нещадно эксплуатируют» [20, с. 174]. Одновременно он пишет о японских профсоюзах, которые объединяют 241 000 человек и составляют «лейб-гвардию японского пролетариата» [20, с. 171]. Горький подчеркнул эту фразу и на полях поставил знак вопроса, выражая тем самым недоверие к профсоюзам, допуская детский труд.

Интересна трактовка Пильняком старой и новой Японии и возникающая в связи с этим скрытая полемика с Горьким. В главе «Две души принципов “наоборот”» Пильняк намекает на знаменитую статью «Две души» (1915), в которой Горький писал о присутствии у русского человека двух душ – одной «азиатской», пассивной, доставшейся нам от «кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя», а другой – славянской, которая «может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит» [23, с. 103]. Статья Горького написана в период Первой мировой войны и была вызвана горячим желанием писателя пробудить Россию к активной деятельности, воспитать нового человека, с бодрым сознанием и желанием трудиться, раскрыть глаза на бесчеловечность и ужас «мировой бойни». Этим объясняются полемически острые утверждения писателя, отрицательное отношение к Востоку. В статье Горький противопоставлял Запад и Восток с точки зрения отношения к разуму и к труду: на Востоке чувство преобладает над интеллектом, метафизика над наукой, человек подчинен природе, и поэтому пассивен. На Западе верят в науку, в возможность человека познать себя, приобрести власть над природой на основе знания и труда. После появления статьи «Две души» в журнале «Летопись» (1915. № 1. Декабрь), многие критики писали, что Восток неоднороден, и приводили в пример японцев, успешно преодолевших азиатскую инертность и идущих по пути прогресса (В. Львов-Рогачевский, Е. Чириков).

В книге «Корни японского солнца» Пильняк отдает дань традиционному разделению Востока и Запада и во-многом строит книгу на противопоставлении европейской и азиатской культурных традиций, разных психологических типов (автор называет это «принципом наоборот»). Он пишет: «Психика европейца построена на утверждении будущего, строительства будущего, – психика японского народа построена на утверждении прошлого...» [20, с. 174]. Наблюдая стремительную интеграцию Японии в мировое пространство, Пильняк замечает в японской жизни причудливое соединение азиатских и европейских черт. На примере семьи писателя Акита Удзяку Пильняк показывает, что люди могут вести себя и как традиционные японцы, и как «европейцы», в зависимости от обстоятельств. Встретив дочь Акита перед походом в театр Цукидзи в английском выходном костюме, услышав ее английскую речь, Пильняк недоумевал: «...я не узнал в ней той самой девушки, которая вчера кланялась мне в ноги и подавала белый чай» [20, с. 27–28]. Подводя итоги своим наблюдениям, Пильняк пишет: «Я думаю о старой и новой Японии. Я знаю: то, что создается веками, не может исчезнуть в десятилетия. Как старое и новое сплелось в Японии? – Какими силами? – Говорят, что сердцем Япония – в старом, умом – в новом. Быть может, ум и сердце японского народа идут рука об руку. Но, во всяком случае, – каковы те силы, которые есть в японской старине, силы, давшие народу умение принять всё новое? Воля японского народа звучит костяным шумом гэта» [20, с. 28]. Именно в прочных японских традициях, в сильном характере японца («бусидо»), Пильняк видит основы для обновления, для принятия западной культуры.

К обсуждению книги Пильняка «Корни японского солнца» Горький вернулся в беседе с Нобори в сентябре 1928 г., назвав путевые записки «поверхностными». «В них нет глубоких наблюдений, – сказал он. <...> – В России еще недостаточно изучают Японию и подчас знакомятся с ней по западным источникам в переводах. У русских должен быть на все собственный взгляд. Нельзя смотреть на Японию, как Пильняк. Необходимо заглянуть в сущность японского духа и культуры» [3, с. 332]. Возможно, на этот отзыв повлияли несколько факторов: полемика в советской прессе вокруг книги Пильняка, отрицательное мнение Юрико Чудзё, негативное отношение Горького к Пильняку как к подражателю, «голому экспериментатору». Так или иначе, очевидно стремление Горького разрушить стереотипы в отношении Страны восходящего солнца и не только увидеть новую Японию, но и посмотреть на старую, традиционную Японию взглядом нового человека.

Об интересе к жизни всего японского общества свидетельствует заметка Горького «Японская угроза», напечатанная в «Литературной газете» 28 июня 1934 г. (№ 82). Она представляет собой рецензию на опубликованную в СССР книгу английского автора Т. О'Конроя «Японская угроза» (М.: Соцэкгиз, 1934). Книга эта имеется в личной библиотеке Горького, а в Архиве писателя в ИМЛИ сохранилась машинопись статьи с правкой Горького красным карандашом. «Автор прожил в Японии пятнадцать лет и, видимо, очень хорошо знает эту “загадочную страну”, как называли ее любители экзотики типа Лоти, Фаррера, Даутендлей и др.», – писал Горький. Он обращает внимание на описанные в книге такие качества японцев, как самодовольство, шинто (*синто*) – неизъяснимый культ японской расы, упорное игнорирование японцами Запада, патриархальное мировоззрение, недостаток логического мышления. От пристального внимания писателя не ускользают острые

социальные противоречия и проблемы японского общества, о которых пишет О'Конрой. Так, он упоминает о фактах продажи женщин собственнику, о тяжелых условиях работниц текстильной фабрики, об отсутствии профсоюзов. «Япония – единственная в мире страна, не признающая права коалиции рабочих», – пишет Горький и приводит такой факт: хозяева фабрики для того, чтобы предотвратить волнения работниц, запирают их на ночь в ночлежных бараках. «После нескольких дней голодовки стачка сломлена», – пишет он.

Рис. 4. Горка над камином в кабинете А.М. Горького с коллекцией предметов восточного искусства.

В личной библиотеке А.М. Горького на Малой Никитской хранится книга «Японская революционная литература» [24], вышедшая в 1934 г. В ней были напечатаны рассказы Кобаяси Такидзи («Краболов», «Пятнадцатое марта 1928 года»), Катаока Тэппэя, Куросима Дэидзи, Фудзимора Сэйкити и других писателей. Содержание сборника, описывающего трудовые будни моряков, крестьян, жизнь рыболовных артелей, подпольную деятельность японских коммунистов, говорит о формировании демократического лагеря японских писателей. В предисловии Н. Фельдман отмечалось, что к концу 1920-х годов «японская пролетарская литература стала достигать художественной зрелости, а ее участники – формироваться в полноценные творческие индивидуальности» [24, с. 3]. Стилистическая правка Горького на полях книги свидетельствует о внимательном прочтении писателем сборника.

Очевидно, что тема «Горький и Япония» нуждается в дальнейшем пристальном изучении. Множество вопросов – о том, почему Горький не написал очерка о культуре

Японии, почему не побывал там, несмотря на высказанное желание, – остаются пока открытыми. Неоднозначно и отношение писателя к интеграции Японии в мировое культурное пространство. Обладая развитым эстетическим чувством, Горький понимал высокое значение японской культуры, призывал ценить и сохранять ее самобытность. Он признавал мастерство японских художников и скульпторов в копировании западных образцов, однако отказывал этим работам в художественной ценности. Писатель считал важным изучать настоящую Японию, вырабатывать свой собственный взгляд, избавиться от «экзотизма» в восприятии этой страны, идущего от западной традиции разделения Востока и Запада. Восхищаясь мощным развитием Японии и ростом энергии японцев, он в то же время видел глубокие социальные противоречия общества, выступал за демократические преобразования в Японии.

Список литературы

1. *Рехо К.* М. Горький и японская литература. М.: Наука, 1965. 162 с.
2. *Рехо К.* Горький // Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. С. 265–342.
3. *Нобори Сёму.* Беседа с М. Горьким // М. Горький и литературы зарубежного Востока. М.: Наука, 1968. С. 329–335.
4. *Миямото Юрико.* Моя встреча с Горьким // Миямото Юрико. Избранное. М.: Художественная литература, 1984.
5. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 518 с.
6. *Пинус Е.* Горький и японская литература // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 8. С. 139–156.
7. Архив А.М. Горького. Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. М.: АН СССР, 1960. Т. 8. С. 433–445.
8. *Егорова Ю.М.* Горький и Япония: по страницам переписки // Метаморфоза культур и новые перспективы. Токуо: Токуо University of Foreign Studies, 2015. С. 143–151.
9. «Из воспоминаний о Горьком» И.М. Кошенкова / вступ. статья, подготовка текста и примечания Л.А. Спиридоновой // Горький. Известные страницы истории (материалы и исследования). Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН. С. 15–52.
10. *Горький А.М.* Полн. собр. соч. Сочинения: В 25 т. Т. 16. М., 1973. 631 с.
11. *Золотницкий В.Н.* Из воспоминаний о Горьком // М. Горький в Н. Новгороде. Н. Новгород: Изд-во Торгового отдела Нижгубоно, 1928. С. 53–66.
12. *Белкин Д.* Мир Востока в творчестве раннего Горького // Звезда Востока. 1988. № 8. С. 134–138.
13. *Горький А.М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 4. М., 1998. 480 с.
14. *Рехо К.* Наследие Горького и японская литература // Горький и литературы зарубежного Востока. М.: Наука, 1968. С. 8–48.
15. *Горький А.М.* Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. Т. 10. М., 2003. 782 с.

16. *Шуган О.В.* Дискуссии начала XX века о переводе азиатской поэзии на русский язык // *Метаморфоза культур и новые перспективы.* Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2015. С.184–194.
17. *Елисеев С.* Японская литература // *Литература Востока.* Вып. 2. 1920.
18. *Демкина С.М.* Реликвии последнего дома Горького // *Горький, Шмелев, Тэффи и другие.* М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 121–137.
19. *Чернухина В.Н.* Горьковские мемориальные вещи и коллекции в доме на Малой Никитской // *В доме Горького на Малой Никитской.* М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 173–198.
20. *Пильняк Б.* Корни японского солнца; *Ким Р.* Ноги к змее. Л.: Прибой [1927]. 184 с.
21. *Личная библиотека М. Горького в Москве: Описание: В 2 кн.* М., 1981. (ОЛБГ. 1340).
22. *Примочкина Н.* Писатель и власть. М. Горький в литературном движении 20-х годов. М.: РОСПЭН, 1996. С. 194–209.
23. *Горький М.* Две души // *Максим Горький: Pro et contra.* СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 95–106.
24. *Японская революционная литература. Сборник. Пер. с яп. / под ред. и с предисл. Н. Фельдман.* М.: Художественная литература, 1934. 240 с.

Благодарим за предоставление фотоматериалов директора Музея А.М. Горького С.М. Демкину. Подбор иллюстраций осуществлен старшим научным сотрудником музея М.В. Донцовой.

Поступила в редакцию 11.11.2016

Автор:

Шуган Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела изучения и издания творчества М. Горького ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. E-mail: oshugan@rambler.ru

“Growth of energy of Japanese will wake creative power of all East”

(M. Gorky about new and old Japan)

O.V. Shugan

In the context of the subject “M. Gorky and the East” studying Gorky’s attitude to the Land of the Rising Sun, its history, culture and public life can be considered to be a topic of special consideration. Gorky's interest in Japan had many sides, and included reading scientific literature and fiction, maintaining relations with Japanese writers, and collecting objects of Oriental plastic arts (*netsuke, okimono*). The article shows that Gorky's perception of Japan’s modernization and its integration into world cultural environment hasn't been deprived of contradictions. Admiration of the culture and national identity of the Land of the Rising Sun hasn’t prevented Gorky from seeing deep social problems of Japanese society in the beginning of the 20th century.

Keywords: M. Gorky, Japan, literature, culture, national identity, society.

Author:

Shugan Olga V., PhD (Philology), Senior Researcher, Associate Fellow at the Department of Study and Edition of M. Gorky’s Creativity, IMLI by A.M. Gorky RAS. E-mail: oshugan@rambler.ru